

Перевод литургических текстов на русский язык в Католической Церкви латинского обряда

Дорогие отцы, братья, сестры, уважаемые коллеги! Я стою перед несколько непростой задачей, поскольку тема моего доклада определенно сильно выбивается за пределы основной тематики этой конференции и, наверное, основной сферы интересов ее участников. Поэтому, озаглавив свой доклад так обобщенно, я предполагаю в принципе познакомить вас с общим положением дел в этой области, с тем, с какими проблемами мы сталкивались, – сколько успею, а что не успею, то, может быть, у вас будут вопросы, тогда уже я на них постараюсь ответить.

Русскоязычное католичество – явление очень молодое, потому что русские, русскоязычные католики – это бесспорно у нас явное конфессиональное меньшинство, очень рассеянное на большом пространстве, очень небольшими группами, очень дисперсное (при всей кажущейся монолитности Римско-Католической Церкви – всей ее централизованности, «властной вертикали», как это сейчас называется): с 1920-х гг. до начала 1990-х отсутствовали канонические структуры, Церковь управлялась не совсем канонически, как могли. Но еще другая проблема: в Католической Церкви в России до совсем недавнего времени практически не было русских. Это были в основном этнические меньшинства – большей частью поляки и немцы. Этнические русские просто по действовавшим до 1907 г. законам не могли становиться католиками; те, кто становился, либо уезжали за границу, либо делали это тайно, а поэтому никакой публичной жизни и, соответственно, богослужения и гимнографии на родном языке у них быть не могло. К тому же до недавнего времени практически единственным богослужebным языком латинского обряда был латинский. Означало ли это, что не существовало никаких других языков в богослужении? Нет, они, конечно, существовали. Всё же, хотя все основные части богослужения (таинства, часы) шли на латыни, кое-какие добавления случались, притом очень давно – по большому счету, уже с Раннего Средневековья. Ведь если романским народам латынь была более или менее внятна (они считали, что она им внятна – давайте так называть эти вещи; так же, как русские считают, что им внятна церковнославянский, – я имею в виду среднестатистического русского православного), то народы Центральной и Восточной Европы честно признавали, что она им не очень понятна. И поэтому существовала богатейшая песенная культура, – у славян, у германцев, – засвидетельствованная по меньшей мере с IX в., которая шла параллельно и понемножку включалась в богослужение, хотя и не совсем официально, но это было распространенным явлением. Существовали парафразы основных песнопений Мессы, народные парафразы – немецкие, польские... Вот, может быть, вам известно такое классическое музыкальное произведение, как *Немецкая месса* Шуберта, – так это как раз был такой парафраз, который пелся, в то время как тайно прочитывалась Месса по-латыни. Не говоря уже о паралитургических обрядах, куда включались народные языки. То есть за вхождением народных языков в богослужение и в гимнографию уже стоит довольно давняя традиция, несмотря на официальное главенство латыни и ее исключительное место.

Но всё это относится к другим этносам. Русские этого ничего не знали. Таким образом, переводы на русский язык богослужения и гимнографии, а также создание собственных богослужebных и гимнографических текстов – это дело последних двух десятилетий (если не учитывать небольшой «подпольный» опыт).

Я сказал, что до недавнего времени латынь была единственным богослужebным языком, потому что в результате литургической реформы II Ватиканского собора было признано право каждого народа на использование своего языка в богослужении, и надо сказать, что это всё было очень хорошо подготовлено, а не то, что взяли и спустили такую реформу сверху. Она очень долго вызревала: шло на протяжении нескольких десятилетий

Литургическое движение, когда постепенно в ходе экспериментов (иногда подпольных, иногда полуподпольных, иногда признанных местной иерархией) потихоньку появлялись первые ростки будущей реформы, а потом уже ей был официально дан ход. Если на большинство языков Западной Европы переводы (уже официальные) стали делаться почти сразу после II Ватиканского собора, т.е. уже с кон. 1960-х – нач. 1970-х гг., то в Восточную Европу (не только в Россию) литургическая реформа пробивалась очень медленно: непроходимые леса, болота, ну и к тому железный занавес. Сюда она пришла только ко времени распада Советского Союза. До этого, в сущности, официально здесь не было служб не по-латыни. Были, правда, маленькие общины, которые начинали использовать русский язык. Но что говорить о русских, если, скажем, Литва, где большинство верующего населения – католики, еще в нач. 1990-х не имела многих литургических текстов на литовском языке: они перевели довольно быстро Ординарий Мессы (т.е. Общее последование – то, что не меняется), но в Мессе есть некоторое число изменяемых частей, которые на каждый день календаря свои, и всё это прочитывалось по-латыни (библейские чтения, конечно, по-литовски).

Для небольшой общины русских католиков, рассеянной по 1/6 части суши, дело обстояло так. На момент восстановления в 1991 г. канонических структур (когда Католическая Церковь в России наконец-то была введена в обычное каноническое русло) имелись уже 4 русских перевода Ординария Мессы. Один был издан в Риме, но это был такой римский самиздат. Его автором считается о. Михаил Арранц, известный литургист-византист, преподававший у нас неоднократно и в обеих основных духовных школах, и во многих других учебных заведениях и хорошо у нас известный. На самом деле перевод этот был сделан не для того, чтобы по нему служить. Когда митрополит Никодим (Ротов) пригласил о. Михаила в 1970-х гг. преподавать в Ленинградской духовной академии, он попросил Арранца сделать перевод Мессы, чтобы студенты знали о Мессе не понаслышке. Притом перевод уже реформированной Мессы: перевод дореформенной был доступен в лоягинском «Собрании древних литургий» (и, между прочим, он был воспроизведен в изданном в Риме в 1949 г. католическом молитвеннике на русском языке). Вот о. Михаил и перевел Чин Мессы и некоторые частные последования (небольшое число), некоторые еще преподаватели Академии его правили, сам митр. Никодим к нему приложил руку, и именно этим переводом пользовались многие католические священники впоследствии на протяжении ряда лет.

Со временем в Ленинграде появился еще один перевод. Это был перевод «Малого Миссала». «Малый Миссал» (*Missale parvum*) – это такая очень удобная книжка: служебник для священников, находящихся в пути, дающий возможность почти в любой день года найти подходящее частное последование, без необходимости возить с собой толстую книгу. Этот перевод был в нач. 1990-х опубликован в Милане издательством «*Russia Cristiana*».

Параллельно существовал еще один переводец, сделанный больше с английского и польского, чем с латыни, которым пользовалась одна сперва подпольная, потом зарегистрировавшаяся община московских католиков латинского обряда.

Кроме того, кем-то был сделан полный перевод «Римского Миссала», представлявший собой 4 толстых машинописных тома. По нему служила Мессу русская служба Радио Ватикана – до тех пор, пока я очень убедительно не посоветовал им не использовать его. Дело в том, что хотя была проделана колоссальная работа – переведены и Общее, и все частные последования, – переведены они были настолько буквально (слово в слово, с очень точным следованием латинскому построению фразы), что когда это читалось по-русски, за этим не вырисовывалось вообще никакого смысла. (Есть два разных предположения, кто эту работу сделал, не буду сейчас «засвечивать»...)

И вот в 1991 г., сразу же, как сюда был назначен епископ Тадеуш Кондрусевич, было решено создать литургическую комиссию, которая мало-помалу всё это приведет в порядок, выработает некий единый комплекс литургических текстов; и эта работа

растянулась на многие-многое годы, хотя сперва предполагалось, что всё будет сделано очень быстро. Действительно, сперва был выработан наиболее «подходящий», как тогда казалось, текст – наиболее понятный, наиболее соответствующий латинскому оригиналу (потому что всё-таки при переводах следует ориентироваться на оригинал, а не на другие переводы, сколь бы удачными они ни были, хотя, конечно, их имеет смысл учитывать, и это всегда делается при переводах на новые языки).

С проблемой перевода литургических текстов столкнулись многие страны. Обычно поначалу в это включается большое число энтузиастов, каждый из которых имеет какие-то собственные установки, а кто-то вообще не имеет никакой филологической или литургической культуры, но имеет активное желание проповедовать, участвовать в жизни своей Церкви, в ее возрождении. От этой очень благой интенции порой очень трудноразгребаемые плоды появляются. И у нас тоже была большая доля энтузиазма со стороны разных людей, имевших очень разные установки. Я помню (кажется, это был как раз 1991 г.), как я пришел на службу Навечерия Пасхи, т.е. наступление Пасхи по календарю римского обряда. Там есть такой возглас «Lumen Christi» («Свет Христов»), когда зажигается пасхальная свеча. И я слышу, как священнослужитель возглашает нараспев: «Свет Христовый». Я потом говорю: «Кто это переводил? Нет такого слова в русском языке!» – «А мы подумали, что «Свет Христов» не ложится на мелодию, поэтому мы так решили сделать». Я говорю: «Господа, вот во французском языке здесь будет всегда ударный слог на конце. Они ведь как-то нашли выход из этой ситуации...» И таких «светов христовых» было еще огромное количество.

Но мало-помалу это начало встраиваться в какое-то русло, потому что существуют всё-таки канонически разработанные правила введения переводов в церковное употребление (а также создания совсем новых литургических текстов). Здесь действительно очень широко поле для эксперимента. Конечно, на первых порах этот эксперимент начинается «партизански»; потом он должен будет так или иначе войти в поле зрения иерархии; и дальше существует определенная процедура: учреждаются литургические и музыкальные комиссии епархий и, шире, национальных поместных Церквей, ну и, наконец, результаты их деятельности должны утверждаться Ватиканом. Сперва что-то принимается на местном уровне, одобряется местной литургической комиссией, затем Конференцией епископов этой страны, затем передается в Ватикан в Конгрегацию богослужения и дисциплины таинств, которая дает утверждение – как правило, временное, на какой-то срок (есть даже формула «ad experimentum», которая разрешает проводить тот или иной литургический эксперимент, но в течение какого-то времени, а дальше смотрят, что из него вышло, и могут утвердить на дальнейшее использование, а могут и не утвердить; в случае утверждения это уже получит иной статус, но это не значит, что он будет вечный).

С переводами действует еще принцип (который многие оспаривают, но пока он действует): один язык – один перевод. Официально утвердить могут только один перевод. Вот недавно очень долго шли прения по поводу единого английского перевода (поскольку английский язык очень разнится от одной англоязычной страны к другой), сейчас такой английский перевод принят, наконец, и то далеко не всех он удовлетворяет. У нас тоже была ситуация такого рода. Католическая Церковь Казахстана пользуется тоже русским языком, но там существуют некоторые свои подходы. И вот совсем недавно, когда окончательно был утвержден Ватиканом русский перевод Чина Мессы, католические епископы Казахстана категорически стали настаивать на том, чтобы в Символе веры (Никео-Цареградском в западной редакции) по-русски «Церковь» (в сочетании “catholicam Ecclesiam”) была не «Вселенской», а «Католической». И на этот предмет шли долгие дебаты, результаты которых были переданы в Рим (я лично в этом участвовал, отстаивая «Вселенскую»), и, слава Богу, «Вселенская» была всё-таки принята; Казахстан вынужден был принять наш перевод, потому что *один язык – один перевод*. Или они должны объявить, что «русский казахстанский» – это отдельный язык и доказать это; может быть,

получится, может быть, нет. (Знаете, это серьезная проблема: американский, бразильский, латиноамериканский испанский давно имеют основания считаться отдельными языками).

Притом, в самую в первую очередь проходят утверждение в Ватикане переводы тайносовершительных формул. Каждое из семи таинств имеет формулу, которая, согласно католическому учению, составляет форму таинства, и перевод этой формулы должен быть утвержден еще и Конгрегацией вероучения. И там очень сложная процедура, как Конгрегации вероучения убедиться в том, что на эскимосский, скажем, язык «Приимите, ядите...» переведено без ошибок.

Я сразу теперь перейду к гимнографии. Дело в том, что католическая церковно-песенная культура на русском языке складывалась тоже не совсем в одночасье. К моменту восстановления канонических структур уже кое-что существовало. Была одна совершенно замечательная женщина Елизавета Сергеевна Перегудова: русская женщина, жившая в Латвии, врач-фтизиатр, по работе оказавшая с Латвии, там вышедшая замуж, принявшая католичество, любительски писавшая стихи и взявшаяся за переводы многих памятников латинской гимнографии и другой – немецкой, польской, которые были ей более или менее известны, мало-помалу создавая для русскоязычных католиков песенный репертуар. В чем-то эти переводы удачны, в чем-то нет, но, так или иначе, она создала колоссальную базу. И мы иногда в шутку говорим: «Перегудова – это наше всё». Она умерла в 1996 г.

В начале 1990-х гг. один питерский энтузиаст Андрей Викторович Куличенко, тоже не профессионал ни в музыке, ни в поэзии, но имевший таланты и в том, и в другом, активно взялся за формирование сборника церковных песнопений, куда вошли бы и гимны из латинских богослужебных книг, и просто благочестивые песни. Он, во-первых, собрал всё, что было переведено на русский язык до того (а были всё-таки очень хорошие академические переводы и Сергея Сергеевича Аверинцева, и Михаила Леоновича Гаспарова, и других – я не говорю, что они во всём хороши для использования в богослужениях, но всё же это в основном хорошие переводы), плюс еще что-то набралось (в т.ч. «наше всё» – Елизавета Сергеевна Перегудова), что-то еще перевели, и он, основательно поработав, создал «Сборник церковных песнопений», Рим-Люблин, «Издательство Святого Креста», 1994. И долгое время, в отличие от множества самиздатовских сборников, в которых ходили самые разные тексты, этот всё-таки прошел хоть какую-то, пусть и не очень серьезную, проверку, и в него вошло очень многое из того, что впоследствии стало широко петься по российским католическим приходам. Притом зачастую это были положенные на музыку новые тексты. Например, я с удивлением для себя обнаружил, что одно из самых любимых у русских католиков песнопений – «Свет невечерний, воссиявший с высоты» – это павана французского ренессансного композитора Арбо «Belle qui tiens ma vie» («Красавица, пленившая мою жизнь»), на музыку которой Андрей Викторович, Царство ему Небесное, написал благочестивый текст о Христе, и вот она так прекрасно поется. Ну, на самом деле, происхождение многих церковных песнопений похожее: знаменитый хорал «O Haupt voll Blut und Wunden», использованный Бахом в «Страстях по Матфею», – это первоначально была любовная песня; не говоря уже об английской любовной песне «Greensleeves», из которой сделали и страстное песнопение, и рождественскую колядку. Почему-то этот путь оказывается довольно частым.

Итак, был создан это сборник. Но он не был вполне официально утвержденным. Затем Епископская конференция России поручила Литургической комиссии и Музыкальной секции при Епископской конференции разработать официальный сборник литургических песнопений. На одном из этапов и я, недостойный, тоже был подключен к этой работе. Очень важно было отобрать песнопения из всего имеющегося репертуара. Его было море, но многое там просто нельзя было использовать в богослужении. Не помню, кому принадлежит такое хорошее высказывание: «Если вы хотите распространить какую-то ересь, сделайте так, чтобы ее начали петь». Это действительно очень верно сказано. В использовавшихся текстах мне (и не только мне) удалось найти несколько

откровенных ересей, но люди, не задумываясь, их пели. Например, один очень часто певшийся во многих приходах парафраз гимна «Тебе Бога хвалим» содержал один куплет, из которого не вполне понятно было, сколько Божественных Лиц у Святой Троицы: три или, может быть, больше?.. И никто на это не обращал внимания. Но если взглядеться в текст, то получается так. Пришлось исправлять. Не говоря уж о том, что долгое время широко использовалась песня, содержащая совершенно восхитительные строки, которые тоже все, не задумываясь, пели пока, наконец, один человек не сказал: «Я поставлю ящик пива тому, кто мне объяснит, что же это значит». Строки были такие: «Сотвори нас снова, добрый Боже, / и возьми с собой в дорогу тоже». Но все это спокойно пели, и никто не задумывался. Я решил посмотреть оригинал. Оригиналу, с которого это было перетолмачено, был польский, написанный одним иезуитом; он оказался совершенно ортодоксальным, не было там ни малейшей идеи вот этого сотворения вновь и взятия в какую-то дорогу. Откуда это появилось – непонятно, но это пелось всеми.

Пришлось провести очень длительную работу. (Хотя сборник уже давно издан, я до сих пор отлавливаю в нем что-то не отловленное). Работа велась по четырем основным критериям:

1. Богословский. Чтобы тексты соответствовали вероучению. Более того, ведь в старой католической песенной культуре очень по-иному расставлялись акценты, чем это принято сейчас: доминирующей была тема пугания адом, пугания чертями – *Dies irae*, и т.д.; значительную часть песенного фонда составляли такие вот страшилки.

2. Литургический. Религиозное песнопение может быть очень хорошим, оно может оказаться вполне подходящим, скажем, когда собрались у костра с гитарой во время паломничества; или оно может прекрасно годиться где-нибудь за чаем в качестве своего рода религиозного романса, – но оно совершенно не литургично. Более того, столь любимые сейчас не только католиками, но протестантами и даже православными песнопения общины Тэзе, каноны Тэзе – это прекрасно для медитации в молитвенной группе. Но при совершении Евхаристии они совершенно неуместны. Потому что любое литургическое песнопение имеет определенное *место* в богослужении. Итак, критерий литургической уместности.

3. Соответствие музыкальным нормам.

4. Соответствие поэтическим нормам и просто грамматическим нормам русского языка (что до того времени далеко не везде соблюдалось).

В результате в 2006 г. был выпущен «Сборник литургических песнопений», который официально утвержден Епископской конференцией. Сюда вошли все самые необходимые песнопения при основных богослужениях и на разные случаи, а также благочестивые песни, которые могут использоваться в отдельных богослужениях и паралитургических обрядах. Некоторые из них я бы, конечно, не включал, но они уже настолько полюбились народу, что мы сочли возможным, немного подредактировав, их всё-таки включить.

Я, кажется, уже сильно превысил лимит времени. Поэтому жду ваших вопросов и рад буду попытаться на них ответить.

Вопрос: Существует ли у русских католиков литургическое творчество на русском языке? Пишутся ли новые последования?

Ответ: Да, пишутся. Литургическое творчество в разные периоды истории Католической Церкви так или иначе приветствовалось, хотя всегда создавались и какие-то ограничения. Естественно, в пореформенный период этих ограничений меньше. И литургическое творчество в разных странах очень поощряется, как и развитие литературного литургического языка – что, например, прекрасно удалось французам (значительно хуже, я считаю, это получилось у немцев)... И создаются собственные тексты, молитвы, новые последования, вплоть до каких-нибудь паралитургических

обрядов, которых вообще раньше не существовало, но которые могут постепенно входить в живую ткань церковной жизни. У нас создавались, прежде всего, тексты русским святым. Официально в Римский мариологий включены 6 русских святых – те, которые успели пожить до Великого разделения Церквей. Плюс к тому – некоторые новомученики, прославленные в недавнее время. Здесь у нас было заблагорассуждено создать новые тексты для этих святых. Я сам участвовал в создании этих текстов, и очень обидно было, что в последний момент Ватикан спустил свои тексты. Но ничего: мы наши тексты в Требник включили. В Миссале идут ватиканские тексты, а в Требнике, где есть что-то вроде молебна каждому из этих святых, – там уже наши. (Это то издание, которое выпустило Издательство францисканцев). Более того, о. Григорий Церох, который стоял во главе этого издательства, он был вообще большой экуменист и очень любил восточную духовность: он даже включил туда некоторых святых, живших много позже Великого разделения.

Вопрос: А есть какая-то стилистическая тенденция? Избирается ли для торжественных текстов более славянизированный стиль?

Ответ: Здесь было с самого начала две тенденции. Одна – это всё максимально упрощать. Другая (к числу сторонников которой принадлежу и я) – что всё-таки не нужно искусственно обеднять язык; да, следует избегать каких-то избыточных архаизмов, особенно нарочитых архаизмов, но всё-таки какая-то его возвышенность и вообще богатство языка желательны. Между этими двумя подходами постоянно идет борьба и в конечном счете более или менее достигается золотая середина. Вот, например, такой непростой вопрос, как включение в тот самый сборник песнопений, о котором я говорил, аверинцевских переводов некоторых латинских гимнов. Они во многих отношениях очень хороши. Они содержат порой совершенно непонятные слова. Скажем, в гимне «*Veni Creator Spiritus*» – там по-латыни фигурирует греческое заимствование ‘*Paraclitus*’, и Аверинцев перевел «Параклит», просто сохранив это слово как термин. В каких-то местах он очень трудно поется, потому что там сильные нагромождения согласных. В старом сборнике Куличенко что-то в переводах Аверинцева подправили, притом, насколько я понимаю, без согласия Сергея Сергеевича. У нас я поставил категорическое требование: классические тексты мы включаем без правки (других авторов кое-где правили, там написано: «редактура» и т.п.; насчет Аверинцева же я категорически настоял, чтобы его нигде не править). Перевод Сергея Сергеевича «*Veni Creator Spiritus*» был включен, но наряду с этим был включен и другой перевод этого гимна, который легче поется и проще воспринимается, и он идет первым, а за ним уже, как вариант, перевод Аверинцева.